

ПРИКАЗ СМЕРТИ

Советское правительство намерилось дать последний решительный и беспощадный бой религии, чтобы, наконец, разом и навсегда уничтожить веру в Бога и, в первую очередь, Православную Церковь. 31 июля 1937 года политбюро ЦК ВКП(б) утвердило оперативный приказ № 00447 Народного комиссара внутренних дел Н. И. Ежова. Этот приказ, направленный против «контрреволюционных элементов» в течение 1 года стоил жизни, либо многолетнего лагерного заключения почти 770 тысячам человек.

В оперативном приказе НКВД СССР № 00447 было сказано следующее: «...в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей ссылки и трудпоселков. Осело много в прошлом репрессированных церковников и сектантов, бывших

активных участников антисоветских вооруженных выступлений...

Перед органами государственной безопасности стоит задача – самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства»¹⁴⁷.

Незадолго до начала операции аппарат НКВД стал широко использовать учетные списки «подозрительных антисоветских элементов». Эти списки, которые постоянно обновлялись с 20-х годов, включали чиновников царской администрации, бывших белогвардейцев, стражников, участников крестьянских восстаний в Гражданскую войну, эмигрантов, военнопленных, отпущенных из германского или австрийского плена, членов антибольшевистских партий, лишенцев. Спецпереселенцы и их семьи, пострадавшие в 1930–1933 гг., стали первой мишенью репрессий. Чтобы окончательно задавить Церковь, в целевые группы приказа были включены духовенство и верующие.

В разработке приказа № 00447 главная роль принадлежала заместителю наркома внутренних дел Михаилу Петровичу Фриновскому, как ни печально, выходцу из среды духовенства Пензенской губернии. Он родился в 1898 году в Наровчате в семье учителя. Образование получил в Краснослободском духовном училище, которое закончил в 1914 году. После окончания в 1916 году 1 класса Пензенской духовной семинарии, Фриновский проявил себя как активный революционер-анархист и в 1919 году вошел в ряды ЧК, а затем ОГПУ. Михаил Фриновский не только один из авторов приказа смерти, ему как заместителю Ежова было поручено общее руководство операцией, начать которую предполагалось 5 августа 1937 года. Многие расстрельные списки были подписаны его рукой, а в начале 40-х годов Фриновский и сам был расстрелян, став жертвой своего аппарата смерти.

Проведение кровавой акции политбюро оценило в 75 миллионов рублей. Для того, чтобы задуманное предприятие меньше било по карману НКВД, в «бухгалтерию ужаса» были втянуты другие комиссариаты и учреждения, между которыми распределили затраты. Таким образом, на осуществление чудовищного плана работала вся страна, в первую очередь использовался труд самих заключенных. Предприятия ГУЛАГа усилили работу, основной упор делался на лесную промышленность: прибыль от

вывоза лесоматериала на экспорт покрывала значительную часть оперативных затрат.

С 31 июля проводилась лихорадочная подготовка к осуществлению приказа: составлялись списки кандидатов на арест, подбирались дополнительные помещения для арестованных и проведения следствия, выбирались отдаленные места для проведения расстрелов (в основном в лесах), набирались команды для приведения приговоров в исполнение, готовили ямы для захоронения тел.

В одном из документов начальство давало следующие рекомендации своим подчиненным: «...Найти место, где будут приводиться приговора в исполнение и место, где закапывать трупы. Если это будет в лесу, нужно чтобы заранее был срезан дерн, и потом этим дерном покрыть это место, с тем, чтобы всячески конспирировать место, где приведен приговор в исполнение, потому что все эти места могут стать для контриков, для церковников местом религиозного фанатизма. Аппарат никоим образом не должен знать ни место проведения приговоров, ни количество, над которым приведены приговора в исполнение, ничего не должен знать абсолютно потому, что наш собственный аппарат может стать распространителем этих сведений...»¹⁴⁸.

Среди участников акции никто не сомневался в законности действий, однако, все планировалось в условиях строжайшей «государственной тайны». Два ноля в номере приказа означали высшую степень секретности. В одном из документов НКВД по Западно-Сибирскому краю говорится: «...До тех пор, пока мы с Вами не проведем всю операцию – эта операция является государственной тайной со всеми вытекающими отсюда последствиями. Когда я буду Вас знакомить с планом по краю в целом, то всякие цифры, о которых Вы услышите, по мере возможности должны в вашей голове умереть, а кому удастся, он должен эти цифры из головы выкинуть, кому же это не удастся, он должен совершить над собой насилие и все-таки их из головы выкинуть потому, что малейшее разглашение общей цифры и виноватые в этом пойдут под военный трибунал. Поскольку цифры достаточно любопытны..., я считаю необходимым познакомить Вас с ними, с тем, чтобы Вы могли сориентироваться с масштабами операции»¹⁴⁹.

Цифры были более чем любопытные, они ужасали. В 1937 году по стране только православных церковнослужителей было

арестовано 136900, из которых 85300 были расстреляны. В 1938 году аресту подверглись 28300, расстреляно 21500. В 1939 году арестовано 1500, расстреляно 900. В 1940 году арестовано, 5100 расстреляно 1100. В 1941 году арестовано 4000, расстреляно 1900.¹⁵⁰

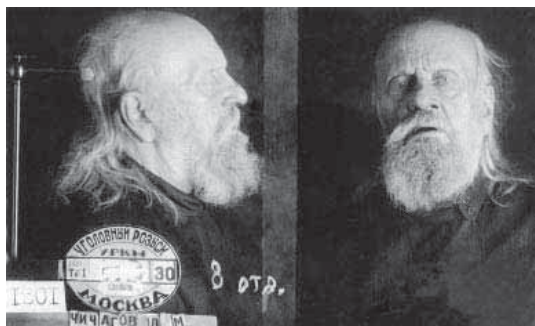
Народный комиссариат внутренних дел работал в режиме внесудебного рассмотрения дел. Большинству заключенных приговор был вынесен в их отсутствие судебными комиссиями НКВД либо тройками, либо «Особым Совещанием НКВД» в Москве. Специально созданные как бы в противовес Святой Троице тройки при УНКВД, состояли из руководителя НКВД, первого партийного секретаря и главного прокурора соответствующей области. Эти «хозяева над жизнью и смертью» уничтожали людей буквально росчерком пера. При вынесении приговора наказание следовало незамедлительно, без ознакомления с личностью обвиняемого. Изначально на аресты и расстрелы для областей были установлены лимиты, но местным руководителям было разрешено, по мере необходимости, увеличивать эти лимиты. Палачи пытались превзойти друг друга количеством ликвидированных «врагов».

В Новосибирске комиссар Госбезопасности Миронов в отношении лимитов давал следующие указания: «Лимит для первой операции 11000 человек, т. е. Вы должны посадить 28 июля 11000 человек. Ну, посадите 12000, можно и 13000 и даже 15000, я даже Вас не оговариваю этим количеством. Можно даже посадить по первой категории 20000 чел. с тем, чтобы в дальнейшем отобрать то, что подходит к первой категории...»¹⁵¹.

Свои разрядки на расстрелы были установлены и для лагерей НКВД. Так для Соловецкой тюрьмы было положено уничтожить 1200 заключенных, но затем это число было увеличено. Для остальных лагерей предусмотрели уничтожение до 10000 человек. Но оказалось, что в рамках акции было уничтожено 30178 человек лагерников.

Все «антисоветские элементы» были разделены на две категории: более активные, подлежащие расстрелу, и менее активные, подлежащие аресту на срок от 8 лет и более. Никаких возрастных и физиологических ограничений для вынесения смертных приговоров не существовало, расстреливали всех – старцев, женщин, инвалидов, ограниченно трудоспособных лиц. Так 11 декабря 1937 года постановлением тройки НКВД по Московской области

был расстрелян светильник земли Русской 82-летний митрополит Серафим (Чичагов). Мученическая кончина Владыки была исполнена особого подвижнического величия. После 45-летнего служения Церкви Божией старец-митрополит прожил на маленькой подмосковной даче. Святитель сильно болел и уже был

*Митрополит Серафим (Чичагов),
священномученик*

прикован к постели, но злодеи вынесли его с помощью носилок и на машине «скорой помощи»! доставили в Таганскую тюрьму. Через несколько дней праведника расстреляли на полигоне НКВД в подмосковном поселке Бутово.

10 октября 1937 года постановлением тройки НКВД по Челябинской области в Верхнеуральской тюрьме был расстрелян 75-летний Местоблюстителю патриаршего престола Петр (Полянский). Крестный путь митрополита Петра по узилищам ГУЛАГа известен как один из самых длительных и суровых в истории советских гонений. Тяжелобольной святитель, оставленный в заточении без элементарной медицинской помощи, неоднократно просил смягчить наказание, но в ответ получал лишь увеличение срока заключения и вскоре принял венец мученичества.

В Пензе в период большого террора были расстреляны многие известнейшие клирики епархии еще дореволюционного рукоположения, возраст которых приближался к 70 годам. В 1938 году 14 февраля большевики казнили 62-летнего Пензенского епископа Ираклия (Попова), а месяц спустя его послушника 28-летнего Иоанна Прозорова, которого верующие называли блаженным Ванюшей.

Отметим, что «приказ смерти» никакого различия между тихоновцами, обновленцами и другими церковными группами не предусматривал. В конце 30-х годов власти окончательно отказались от поддержки обновленческого движения, поэтому хватили всех, кто имел любое отношение к религии. Фабриковались мифические дела о фашистских и повстанческих организациях, состоящих из большого числа церковников. В составе таких организаций лучшие представители старого духовенства проходили

вместе с обновленцами. Параллельно с арестами церковнослужителей в газетах появлялись грязные статьи, обильно поливающие исповедников нечистотами. Священство и епископат обвиняли в шпионаже, фашизме, террористической деятельности, содомии и прочих смертных грехах. Травля христиан достигала своего апогея накануне массовых казней с тем, чтобы создать у населения негативное отношение к «виновникам» и подготовить общественность к их «таинственному» исчезновению.

Место и время приведения приговоров в исполнение долгое время соблюдалось в тайне. Судьбу приговоренных лиц органы госбезопасности покрывали густым туманом лжи. На запросы членов семей было принято давать ответ: «Сослан на 10 лет без права переписки». О проведении приказа № 00447 имеется крайне мало документов, поскольку они разоблачают действия высшего органа власти, к тому же в СССР архивные документы преднамеренно систематически уничтожались.

Но по слову Евангельскому *«...нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы»* (Лук. 8, 17). Вот уже несколько лет как мир узнал о чудовищном злодеянии большевиков в подмосковном поселке Бутово. Только за период с 8 августа 1937 г. по 19 октября 1938 г. на Бутовском полигоне были расстреляны 20.761 человек, среди них неисчислимое количество православных епископов, священников, монахов и мирян, совершивших удивительный подвиг стояния в вере. Митрополит Серафим (Чичагов), возглавив-

*Бутовский полигон.
Насыпь и крест на месте
погребальных рвов*

ший сонм Бутовских мучеников, незадолго до своего последнего ареста пророчески писал: «...Сейчас многие страдают за веру. Но это золото очищается в духовном горниле испытаний. После этого будет столько священномучеников, пострадавших за веру Христову, сколько не помнит вся история христианства». Такого числа святых мучеников, какое упокоила Бутовская Земля, нет нигде. Только к марту 2005 года из числа казненных 294 человека были причислены Русской Православной Церковью к лику святых. По мере ознакомления с материалами следственных дел это число растёт.

Среди пострадавших за веру Христову на Бутовском полигоне есть и Пензенские подвижники, которые особо дороги нам:

1. Священномученик Иоанн (Артоболевский) – московский протоиерей, уроженец села Проказна Мокшанского уезда Пензенской губернии. Ученик Пензенской духовной семинарии и младший товарищ историка Василия Осиповича Ключевского.

2. Священномученик Василий (Горбачев) – священник села Большие Вяземы Московской области, уроженец села Нарышкино Сердобского уезда Саратовской губернии (ныне Пензенской области).

3. Священномученик Алексей (Княжеский) – священник Талдомского района Московской области. Уроженец Краснослободского уезда Пензенской губернии.

4. Преподобномученик Мефодий (Иванов) – иеромонах церкви села Суково Каширского района Московской области. Учительствовал в г. Саранске, преподавал в Художественно-техническом училище г. Пензы.

5. Священномученик Василий (Ягодин) – протоиерей, настоятель Богоявленского собора в районе Дорогомилово в Москве; в прошлом – священник Пензенской епархии.

6. Преподобномученица София (Селиверстова) – послушница Страстного монастыря в Москве, уроженка села Изнаир Сердобского уезда Саратовской губернии.

7. Протоиерей г. Рязани Сергей Васильевич Ветлицкий – уроженец Краснослободского уезда Пензенской губернии, выпускник Пензенской духовной семинарии.

8. Иеромонах Троице-Сергиевой Лавры Иаков (Марочкин) – уроженец села Болдово Инсарского уезда.

9. Священник Московской епархии Евгений Петрович Ключарев, до этого – священник Пензенской епархии.

Кроме духовенства среди убиенных на Бутовском полигоне числятся еще 20 человек пензяков. Это соцслужащие, работники предприятий, железнодорожники. Особое сострадание вызывают расстрелянные земляки, не достигшие даже зрелого возраста. 3 октября 1937 года была расстреляна Александра Федоровна Николаева 23 лет; 15 августа того же года расстрелян Евгений Петрович Богданов 19 лет от роду.

Но не только Бутовская голгофа сияет подвигом христианского мученичества. Святая Земля Русская много знает памятных мест, обильно политых кровью праведников. Всех этих мест не перечить, многие из них еще неизвестны, а многие откроет сам Господь, когда приидет во славе Своей. Как сказал настоятель храма на месте Бутовской голгофы: «Нам всем нужно вымалывать подобные места». Нужно искать их, несмотря ни на что, ставить на них кресты, часовни, храмы, организовывать покаяния. Забегая вперед, скажем, что одно из таких мест было найдено и в черте нашей Пензы.

На сегодняшний день можно уверенно сказать, что исследования по теме «Большой террор» в Пензенском крае только начались. Это мартиролог расстрелянных клириков Пензенской епархии, изданный А. И. Дворжанским, а также труды Пензенского филиала общества «Мемориал». До недавнего времени изыскания в этой области были сопряжены с большими трудностями, обусловленными чрезвычайной секретностью приказа № 00447 и самой сутью операции 1937–1938 гг. Именно поэтому архивы УФСБ долгое время были малодоступными не только для простого обывателя, но и для научных сотрудников. В настоящее время с разрешения начальника Пензенского УФСБ Александра Яковлевича Гришина и по благословению Владыки Филарета начались плодотворные исследования по теме репрессий. Результаты этих исследований будут иметь первостепенную важность в процессе канонизации пензенских подвижников.

Существенные преграды встречаются в связи с административно-территориальным делением современной Пензенской области, которая в период большого террора переживала настоящее «расчленение», ставшее символичным. Самой Пензенской области тогда не существовало. До 27 сентября 1937 года Пенза и большая часть прилегающих к ней районов входили в Куйбышевский край. Затем до 4 февраля 1939 года Пенза и ряд районов значились в составе Тамбовской области, а южные районы

принадлежали Саратову. Этим объясняется то обстоятельство, что документы по реализации «приказа смерти» находятся в архивах разных городов. Наконец, как уже говорилось, документы по проведению террора 1937–1938 гг. могут частично или полностью отсутствовать за их ликвидацией как улики преступления против человечества.

И все же основной причиной неизученности этого вопроса остается наше личное нерадение и преступное равнодушие к памяти пензенских мучеников и тех русских людей, наших земляков, которые пострадали от режима сатаны. *Поминайте наставников вашу*, – говорит апостол Павел. А известный историк Сергей Бычков вот как пишет по этому поводу: «Для того чтобы мистическая жизнь Церкви была полнокровной, не должна прерываться молитвенная и таинственная связь с мучениками. Если происходит разрыв, если Церковь перестает чтить своих мучеников, перестает обращаться к ним за молитвами, за помощью, живое древо Поместной Церкви начинает засыхать».

В период большого террора ключевую роль наравне с концлагерями выполняли тюрьмы, которые использовались не только как непосредственно узилища. Находясь в ведении НКВД, места заключения превратились в настоящий конвейер смерти и стали осуществлять функции изоляторов, распределителей, пересыльных пунктов. На базе тюрем широко использовался труд заключенных, здесь же часто приводились в исполнение смертные приговоры. Все эти функции тюрем особенно четко прослеживаются на примере пенитенциарной системы Пензенского региона в 30–40 годы. Отчасти это было связано с отсутствием в нашей области хорошо организованной системы концлагерей, по сравнению, например, с Мордовией. Из пензенских лагерей можно упомянуть лишь лагерь торфоразработок в районе Ахун, затем в Чаадаевке (Пенза 32), занимавшийся лесозаготовками, и Кузнецкий лагерь, но то были скорее лагерные пункты, численность заключенных в которых была невысокой. Городищенская колония к тому времени, видимо, утратила свое значение, а существовавшая сеть лагерей для военнопленных к политическим заключенным имела лишь косвенное отношение.

С выходом приказа № 00447 в Пензенской епархии начались порайонные облавы на церковников. Хватали всех: священников и монахов, членов церковных советов и православных братств, активных прихожан и просто верующих людей. Хвата-

ли всех, кого находили; кого не находили сразу – отслеживали и тоже арестовывали. Это чаще происходило ночью, после проведения обыска и погрома в доме намеченных жертв. Христиан под конвоем отправляли на ближайшие железнодорожные станции, загоняли в эшелоны и отправляли по пересыльным тюрьмам, которые обычно находились в непосредственной близости с железнодорожным полотном. В этих тюрьмах производили распределение арестантов на категории: одних приговаривали к высшей мере наказания, других к заключению в лагерь – пощады не было никому.

В пересыльных пунктах арестанты находились недолго. Там определялась судьба каждого. Те, кто должен быть отправлен в лагерь НКВД, дожидались эшелона и отсылались этапом. Смертников оставляли на месте до приведения приговора в исполнение, для чего были заранее подготовлены соответствующие места. Но чаще приговоренных к высшей мере наказания переправляли в тюрьму ближайшего областного города, где мученики находили свое последнее пристанище.

О том, что происходило в 1937 году в Ельниковском районе Мордовии, стало известно из истории священника Дмитрия Даниловича Потапкина, служившего в селе Новоникольское. Он служил в великолепном храме Рождества Пресвятой Богородицы. Когда в 1937 году район захлестнула волна арестов, батюшка знал, что скоро придут и за ним. Укрыв семью в надежное место, он поселился в церкви, продолжая совершать богослужения. Когда явились сотрудники НКВД, батюшка затворился в храме и стал горячо молиться, со слезами припадая к каждой иконе.

Священник Дмитрий Потапкин

«И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Лук. 22, 44). Озверевшие безбожники стали ломать церковные двери. Ворвавшись в храм, они вытащили батюшку на паперть за волосы, сильно избили и уже еле живого отправили в Первомайск. Семья последовала за отцом. Когда в Первомайске арестантов собрали на перроне и должны были грузить по вагонам, родственников не пустили проститься. Только маленькой дочери о. Дмитрия удалось пробраться к поезду и провести последнюю минуту с отцом. Наконец, всех посадили в эшелон, и батюшка в числе прочих христиан исчез навсегда. Многие не смогли захватить теплую одежду, а наступали холода.

Через некоторое время, от о. Дмитрия пришло письмо. Но что это было за письмо? На клочке папиросной бумаги, каранда-

Священник Иоанн Голубинский

шом было нацарапано несколько слов: «Пришлите мне теплую одежду, я нахожусь – где белые медведи». Посылка была спешно отправлена, но вскоре пришел холодный ответ: «Такой-то... выбыл». Подобная судьба постигла сотни и тысячи православных христиан.

В Земетчинском районе операция проходила по тому же сценарию. Церковнослужителей повсюду хватили и сгоняли на железнодорожную станцию Дашково, откуда в эшелонах доставляли в Моршанск. В этой партии находились священник села Раево о. Валентин Голубев, священник села Богоявленское о. Иоанн Голубинский, священник села Рянза о. Борис Чуньков, священник села Салтыково о. Михаил Репнин и другие. Многие из них были расстреляны уже в Моршанске.

Когда в селе Богоявленское (ныне Долгово) арестовали священника Иоанна Алексеевича Голубинского, сноха батюшки Надежда провожала его до железной дороги. Но любви христианской все возможно. Уговорив конвоира, Надежда вместе с арестантами села в эшелон и сопровождала батюшку до одной из станций. Потом уже своим ходом добралась до Тамбова и на следующий день со страхом пошла к тюремным воротам. Однако узнать «жене-мироносице» ничего не удалось. Сегодня из следственного дела стало известно, что Голубинский Иван Алексеевич был осужден 20 ноября 1937 года тройкой НКВД по Тамбовской области, а 20 января 1938 года расстрелян в Моршанске, в один день с о. Михаилом Репниным.

Осенью 1937 года в Керенске жесточайшей травле и аресту подвергся, пожалуй, самый молодой, священник епархии о. Иаков Анненков, которому было всего 30 лет. Выступив перед Пасхой против закрытия Михайло-Архангельской церкви, он был вызван в сельсовет, а затем отправлен в Наровчатскую тюрьму. 27 сентября 1937 года отца пятерых детей расстреляли в подвале управления НКВД.

Священник Иаков Анненков

Ворота Наровчатской тюрьмы

В Наровчатском районе большой террор отличался особой изощренностью. Расстрелы духовенства и верующих производились как в подвале местного управления НКВД (ныне сельсовет), так и в Наровчатском тюремном замке. Но это далеко не всё. В 1990 году Русской Православной Церкви был передан комплекс Троицкого Сканова монастыря. Каково было удивление комиссии по обследованию монастырских пещер, когда в отдельных ходах обнаружили множество скелетов и черепов с пулевыми отверстиями. Некоторые пещерные ходы оказались заложенными и поэтому до сих пор не обследованы. По мнению сотрудников Наровчатского заповедника, монастырские пещеры стали не только местом захоронения, но непосредственно местом расстрелов духовенства и верующих. Действительно, трудно представить, что людей убивали в одном месте, а затем по узким проходам тела заносили в пещеры. Скорее всего, мучеников загоняли в пещерные тупики и уже здесь приводили приговор в исполнение. Кроме того казни происходили в районе самой Скановой горы, где поныне находят останки мучеников.

Иеромонах Михаил (Ураев)

В 1937 году во время «чистки» Наровчатского района среди прочих был арестован иеромонах Михаил (Ураев). Он родился 24 мая 1882 года в селе Паны Наровчатского уезда Пензенской губернии. С 1896 по 1918 год был послушником, а затем диаконом в Троице-Сергиевой Лавре. Вернувшись на родину, служил в селах Паны, Сияново, а после 1930 г. скрывался на дому у благочестивой старицы в селе Монастырское.

5 декабря 1937 года о. Михаила арестовали, а вместе с ним забрали старосту панской церкви Василия Егоровича Комарова и многих других. 28 декабря того же года иеромонах Михаил был приговорен к 8 годам лагерей. Но его родственники рассказали следующее:

«Сначала их содержали в тюрьме Беднодемьяновска, а вскоре погнали в сторону села Сканово. Путь лежал через село Паны, и колонна, была встречена причитаниями местных жителей. Кто-то плакал, кто-то кричал им, кто-то хотел передать хлеб, но конвоиры сельчан близко не подпускали. Со стороны колонны, которая быстро двигалась в направлении Скановой горы, доносились крики «Прощайте». По рассказам старожилов, группа арестантов была расстреляна в районе Скановой горы». Так уничтожали православие в Наровчатской земле, которая еще недавно славилась христианскими традициями и благочестием.

Особо стоит сказать о печально известной Аткарской тюрьме Саратовской области, где уничтожались духовенство Сердобского, Бековского, Малосердобинского, Лопатинского районов, относящихся сегодня к Пензенской области. В частности в Аткарске были расстреляны: священник села Сосновка Бековского района о. Георгий Аринушкин, монахиня села 2-я Быстровка Петровского района Домна Заварзина, монахиня села Забайкино Петровского района Пелагея Плекунова. Три монахини вместе с Анастасией Колчиной также из 2-й Быстровки были арестованы в один день – 22 декабря 1937 года; Домна и Пелагея расстреляны 1 января 1938 года, а мать Анастасию, заключенную в Аткарскую тюрьму, приговорили к 10 годам лишения свободы¹⁵².

Наконец главной фабрикой смерти в годы большого террора стала Пензенская губернская тюрьма, расположенная на улице террориста Каракозова, близ ж/д. станции Пенза IV. До прихода большевиков учреждение существовало почти 100 лет. Однако наиболее мрачную репутацию тюрьма приобрела именно в годы советской власти. Всего за 20 лет с 1918 по 1938 г. через страшное узилище прошли тысячи исповедников веры Христовой – епископы, священники, монахи, благочестивые миряне, представители всех сословий Царской России, словом все те, кто не мог перешагнуть через совесть и смириться с навязанным режимом сатаны. В одной из советских газет было сказано, что если изъять у Церкви все ее ценности и наполнить ими вагоны, то длина состава протянется на многие тысячи километров. Мы же скажем, что если описать судьбу и мучения всех пострадавших за Веру, Царя и Отечество в застенках Пензенской тюрьмы, родится огромная Книга скорби – Книга о распятии Святой Руси. Но только через скорби и страдания пролежит путь в Царствие Небесное. Сколько же исповедников, мучеников прошло через эти застенки,

восполнило число отпавших ангелов и соединилось с Предвечным Младенцем – Христом?!

В Пензенской тюрьме отбывал наказание Владыка Иоанн (Поммер), которого посадили в одну камеру с Путятый¹⁵³. Здесь архипастырь стал свидетелем массового расстрела заключенных во дворе тюрьмы и чудом остался жив. Здесь неоднократно содержались лучшие представители пензенского духовенства из ближайшего окружения Владыки Иоанна. Так в 1918 году в Пензенской тюрьме оказался 83-летний протоиерей Троицкого монастыря Василий Маловский – старейший преподаватель семинарии, учитель В. О. Ключевского. Здесь томился ректор духовной семинарии, «пензенский златоуст» протоиерей Матфей Архангельский, у которого в камере началось язвенное кровотечение. Неоднократно в этом месте отбывал срок священник Александр Беляев, будущий священномученик Августин, архиепископ Калужский и Боровский. Здесь сидел старейший клирик епархии кафедральный протоиерей Владимир Лентовский, будущий епископ Пензенский Борис. Список этот может быть продолжен до бесконечности.

Многие духовные лица были заключены в Пензенскую тюрьму в 1922 году за сопротивление изъятию церковных ценностей. Среди них только 18 человек было из городского духовенства, остальные – из уездов.

2 сентября 1922 года в Губисправдом, как он стал называться, заключили Пензенского епископа Леонтия (Устинова). 21 ноября Преосвященный отправил заявление на имя начальника тюрьмы: «Прошу Вас, Гражданин начальник, не найдете ли возможным снять с меня наказание, наложенное Вами. Если же не найдете возможным допустить мне передачу с воли куска хлеба, то разрешите, по крайней мере, передачу белья для стирки». 4 декабря от неизвестного лица, через некое Оводова, епископу в тюрьму пришла передача с запиской: «Присылаю суп, кашу, пудинг рисовый, 1 каравай хлеба, белый хлеб, сах. песок, 1 бут. молока, 2 яблока, 1 рубаху, 1 кальсоны, 1 носов. платок, 1 бут. керосина. С вопросом: «Как здоровье ваше?». В декабре 1922 года тюремные ворота для Владыки Леонтия открылись, но лишь для того, чтобы переправить больного архиерея в другую – Самарскую тюрьму.

В 1927 году в Пензенской тюрьме более 4 месяцев томился Владыка Пензенский Филипп (Перов), вскоре отправленный в ссылку. А в декабре 1928 года накануне праздника Никола зимнего вместе с епископом Нифонтом (Фоминым), профессором

Московской Духовной Академии С. С. Глаголевым и другими в тюрьму был заточен епископ Пензенский Кирилл (Соколов).

В январе 1931 года Владыка Кирилл снова оказался в тюремных застенках. Тогда он был арестован по делу «Истинно-православной церкви» с большой группой духовенства.

Весной в тюремной камере страдальцам удалось совершить Пасхальную заутреню и литургию. В камеру тайно передали вино для причастия, а чашей послужила жестяная кружка. После богослужения священник из Кривозерья о. Михаил Артоболевский поздравил всех с праздником Святой Пасхи: «Христос Воскресе, братья! Сегодня я отслужил свою последнюю литургию и скоро меня с вами не будет. Кто будет жив – меня не забывайте». В тот же день о. Михаил был расстрелян.

*Одиночная камера
Самарской тюрьмы. 1932 г.*

Работа Пензенской тюрьмы протекала в атмосфере жестокости и непрерывного потока заключенных, однако, известны случаи, когда мужество переносимых страданий и подвиги христиан в застенках НКВД поражали палачей, а некоторых обращали к Богу.

В 1931 году в числе заключенных оказался весь причт Владимирской церкви села Кривозерье – упоминаемый протоиерей Михаил Артоболевский с супругой, староста церкви Василий, его сын Федор и другие. Родственники арестованных носили в тюрьму передачи – собирали, кто что мог. Сестра Федора Пелагея кроме прочего взяла для брата икону Феодоровской Богородицы – материнское благословение еще на войну 1914 года. Когда девушка подошла к тюрьме, у ворот толпилось много народа. Женщина-конвоир передавала заключенным посылки, а родственникам выносила записки или печальные известия.

Пелагея долго ждала ответа. Наконец конвоир вышла и спросила: «Кто передал посылку с иконой?». Девушка созналась и была доставлена к начальнику тюрьмы, в присутствии которого развернули посылку. На пряниках лежала икона Богородицы. «Мы тут, – говорит конвоир, – с Богом боремся, а она сюда ико-

169

ну принесла». Беззащитную девушку охватил страх, она ожидала худшего, но произошло чудо. Начальник тюрьмы сказал, что с Богом бороться невозможно, и спросил конвоира, – дежурит ли она ночами, и что делают священнослужители ночью. Конвоир ответила, что священники всю ночь молятся и поют. «Так вот, – распорядился начальник, – возьми этот узелок и отнеси, кому он предназначен, а эту девушку отпусти». Когда Пелагея вышла из здания, она попала во внутренний тюремный двор и увидела страшную картину. Было лето, священники в упряжках возили телеги, нагруженные камнями, а какие-то люди их погоняли, как скотину. Пелагея плакала, возможно, она увидела кого-то из своих. Тогда ее вновь отвели к начальнику, и тот жестко приказал выпроводить девочку за ворота.

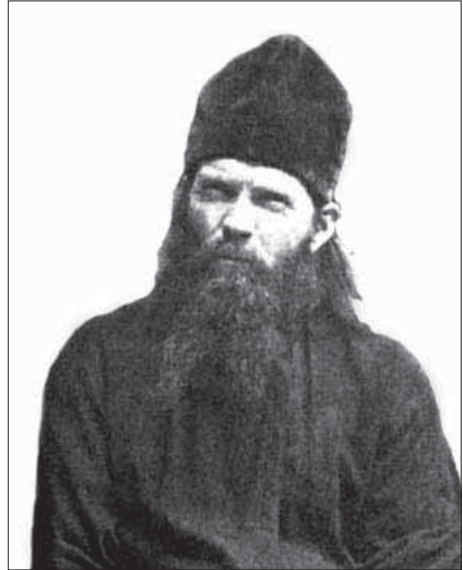
Неоднократно в Пензенской тюрьме содержался великий исповедник, святой старец Иоанн Оленевский. Господь всякий раз изводил из темницы блаженного старца, но тюремное пребывание всегда тягостно сказывалось на его слабом здоровье. В один из арестов он исцелил от мучительной экземы начальника тюрьмы, который в знак благодарности отпустил старца на свободу, но и сам был снят с должности.

В 1935 году в Пензенский домзак отправили всю православную общину из Новых Пичур Наровчатского района. Среди арестованных был известный в епархии настоятель Наровчатского монастыря, архимандрит Филарет (Игнашкин), находившийся здесь под следствием, а также святой старец иеромонах Пахомий (Ионов), отправленный в карагандинские лагеря.

Многострадальной страницей в истории Пензенской епархии стали периоды управления двух Пензенских архиереев Феодора (Смирнова), а затем Ираклия (Попова). Этим двум епископам выпал жребий управления епархией в самые тяжелые годы, когда, казалось, вся бездна ада ополчилась на Святую Божию Церковь. Их мученическая кончина была непосредственно связана с Пензенской тюрьмой.

Архимандрит Феодор был хиротонисан во епископа Пензенского 23 сентября 1935 года. Его управление епархией осуществлялось в тяжелейших условиях, когда каждый шаг, каждое слово, сказанное даже в алтаре Митрофановской церкви, тут же становились известны органам. Уже 18 октября 1936 года Владыка был арестован и заключен в Пензенскую тюрьму, где целый год провел в условиях постоянных допросов и очных ставок. Известно, что подобные мероприятия никогда не проходили

без применения насилия. Владыку осудили на смерть 7 августа 1937 года и через месяц, 4 сентября он был расстрелян. Вместе с ним казнили священников Гавриила Архангельского, Василия Смирнова, Иринарха Умова и Андрея Голубева. К сожалению, нам мало известны подробности этого процесса, длившегося целый год, нам не ведомо и то внутреннее состояние, с которым они встретили смерть. На этот вопрос нам отвечает сама Церковь: 20 августа 2000 года на Юбилейном Архиерейском Соборе епископ Феодор, священники Василий Смирнов и Гавриил Архангельский были причислены к лику святых.

*Епископ Пензенский
Феодор (Смирнов),
священномученик*

9 февраля 1937 года на Пензенскую кафедру был назначен епископ Иракий, сразу оказавшийся в условиях полной блокады действий со стороны НКВД. Не прошло и года, как на духовенство Митрофановской церкви во главе с епископом, обрушились потоки такой газетной грязи и клеветы, цитировать которые мы не можем по этическим соображениям. Так городские власти готовили общественное мнение к массовым казням, назначенным на февраль 1938 года. Владыку Иракия арестовали 22 декабря 1937 года, а 14 февраля 1938 года расстреляли вместе с духовенством Митрофановской церкви и обновленческой группировкой Сергия Сердобова во дворе Пензенской тюрьмы. После смерти епископа Иракия многострадальная Пензенская епархия вдовствовала почти 7 лет, до 1944 года, когда в управление ею ненадолго вступил епископ Кирилл (Поспелов), а затем епископ Михаил (Постников).

Большой террор в Пензе достиг своего пика в январе – марте 1938 года, когда только за три дня, с 21 по 23 января, в городе было арестовано почти все оставшееся духовенство, это 39 человек священников, монахинь бывшего Троицкого монастыря. Среди них такие известные пастыри старой духовной школы, как иеромонах Нифонт (Беззубов-Пурилкин), священники Андрей

Волков, Владимир Карсаевский, Михаил Пазельский, Константин Студенский, Александр Преображенский и другие. Все они были заключены в Пензенскую тюрьму и проходили по одному делу № 7454. Большинство мучеников были расстреляны 13 марта 1938 года.

Заканчивая этот раздел, психологически обращаешься к теме «палач и жертва», пытаешься разгадать злую загадку их коротких отношений. Автоматически ставишь себя на место приговоренного к смерти, на место человека, которому предстоит умереть за Христа сейчас. Александр Солженицын в произведении «Архипелаг Гулаг», касаясь этой темы, кратко и точно описывает состояние осужденного на смерть. «А убить себя человек дает почти всегда покорно. Всю ночь все не спят. В полном упадке ждут вывода на смерть. Иногда ночью гремят замки, падают сердца – меня не меня? Но наступает предел, когда хочется крикнуть: «стреляйте поскорей»¹⁵⁴. Но кто же были убийцы? Откуда взялась та чудовищная, слепая жестокость, которая тупо и хладнокровно губила все живое, все лучшее, все святое? Психологические глубины всякого зла вскрывают слова святого Евангелия: *«Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое»* (Матф. 24, 9). Извечная ненависть врага рода человеческого ко Христу – вот ответ на вопрос. Если враг рода человеческого самих апостолов, видевших Христа, склонил к предательству, то тем более могло это произойти с человеком по кличке Дерзкий, история которого наглядно вскрывает природу дикой бесчеловечности, основанной на безбожии.

«Матерый уголовник Дерзкий был осужден за неоднократные убийства. Убийцей он стал, потому что убивать его научил его родной отец, который служил старшим следователем в НКВД. На шестнадцатилетие он преподнес сыну настоящий «мужской» подарок. Такой, о каком мальчик даже и мечтать не мог.

Вечером, в разгар празднества, отец вывел сына из-за стола, посадил в персональный автомобиль и привез в мрачное здание НКВД. Отцу все отдавали честь, и грудь мальчика распирала гордость – вот какой у него важный отец. Они прошли высокую ограду, миновали несколько коридоров, перегородженных прочными металлическими решетками, возле которых дежурили хмурые люди в военной форме, и попали в небольшой двор, окруженный со всех сторон высокими каменными стенами, вид которых навевал глубокую и безотчетную тоску. Но в тот момент мальчик

был радостно оживлен, ему все было интересно, от всего веяло тайной.

Минут через пять двое вооруженных людей привели и поставили спиной к стене какого-то человека. Он был бос, штаны мешком висели на нем, грязная рубаша разорвана так, что можно было рассмотреть огромные синяки, кровавые рваные полосы, идущие по всему телу. Его руки были связаны сзади. Голову он держал низко опущенной. Присмотревшись, мальчик увидел, что вместо лица у человека было сплошное месиво: глаза заплыли, вместо губ какие-то рваные лохмотья, волосы слиплись в толстую кровавую корку.

Отец, глядя на осужденного, достал из кобуры револьвер и протянул сыну.

– Возьми, сынок. Перед тобой враг народа. Убей его! – спокойно сказал он и улыбнулся. А когда сын медленно взял протянутое оружие, ободряюще потрепал его по волосам.

И мальчик как послушный сын, комсомолец и настоящий патриот социалистической родины долго не раздумывал. Ощувив тяжесть смертоносного оружия, он поднял руку прямо перед собой, прицелился в левую часть груди человека, туда, где бьется сердце, и плавно, как учил отец, нажал на курок. Губы еле слышно прошептали: «Получи, враг народа!».

С тех пор, убивая очередную жертву ножом или пулей, он произносил сквозь стиснутые зубы эту заветную фразу, и вместе с последним звуком жертва падала, словно подкошенная, так же, как упал тогда тот человек со спутанными волосами во дворе здания НКВД»¹⁵⁵.